

ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В.С. ВЫСОЦКОГО)

FUNCTIONS OF INTERROGATIVE CONSTRUCTIONS IN POETIC NARRATIVE (BASED ON THE MATERIAL OF V.S. VYSOTSKY'S POEMS)

**A. Loginov
L. Fedoseeva**

Summary: The article examines the functional load of interrogative sentences in the poetic narrative of V. Vysotsky, due to the volume of works and determined by the tasks set by the author. Among the functions are the possibility of an interrogative construction to become the initiator of the development of a poetic plot (an interrogative theme) or to link independent, at first glance, works into one storyline (cycle), as well as the dialogization of the text and the emotional expression of the attitude to the described event.

Keywords: V. Vysotsky, poetic text, narrative, interrogative sentence.

Логинов Александр Викторович

доктор филологических наук, Московский педагогический
государственный университет,
loginov13av@mail.ru

Федосеева Лариса Николаевна

доктор филологических наук, Академия ФСИН России
г. Рязань
ln-fedoseewa@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается функциональная нагрузка вопросительных предложений в поэтическом нарративе В. Высоцкого, обусловленная объемом произведений и определяемая задачами, которые ставит автор. К числу функций относятся возможность вопросительной конструкции стать инициатором развития поэтического сюжета (вопросительным темой) или связать в одну сюжетную линию (цикл) самостоятельные, на первый взгляд, произведения, а также диалогизация текста и эмоциональное выражение отношения к описываемому событию.

Ключевые слова: В. Высоцкий, поэтический текст, нарратив, вопросительное предложение.

Во второй половине XX – начале XXI в. возникло и развилось довольно большое количество направлений в области социально-гуманитарных дисциплин. Среди них лингвистика текста, прагматика, функциональная грамматика, социолингвистика, когнитивная лингвистика. В данный ряд можно поместить и нарратологию (справедливости ради подчеркнём, что её истоки заложены в трудах русских формалистов первой половины XX века: В.Б. Шкловского, Б.В. Томашевского, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина), получившую своё название от английского термина *narrative* в конце 60-х годов XX века (термин Цветана Тодорова). Значение термина подробно рассмотрено в работе Е.С. Маслова [11, с. 24-31], отметим только, что в русском языке ему соответствуют синонимы *повествование*, *рассказ*, т.е. такой тип произведений, в которых обозначена последовательность событий.

С начала XXI века под влиянием англоязычной полилогии термин приобрёл в русском языке дополнительное значение, синонимичное идеологеме, понимаемое как высказывание, содержащее мировоззренческую установку. Нас интересует первое – лингвистическое – понимание термина.

Сходными по значению с нарративом являются понятия текста и дискурса. Согласно Ю. Лотману [10], пове-

ствование всегда описывает действие и, следовательно, содержит сюжет. В то же время текст представляет собой статичную знаковую систему, поэтому «составляет основу всякого повествования». Нарратив – это разновидность текста, его конкретное воплощение. Поскольку нарратив описателен (дескриптивен), то в нём, помимо логической структуры, существуют ещё эстетическая, эмоциональная и ассоциативная составляющие.

Изучение нарратива приобрело массовый характер, что позволило сформироваться направлению, которое мы условно назовём литературной нарратологией как противопоставление, например, нарратологии юридической [1] или политической [6] (сравнение этих направлений может быть предметом отдельной работы) [4; 5; 7; 8; 12; 13; 14].

В последнее время распространение получил термин «нарративная техника», применяющийся в областях, связанных с изучением личности человека и социума. Осмелимся предположить, что нарративные техники (хотя таковыми они, естественно, не осознавались) стали впервые применяться в литературном творчестве, прежде всего произведениях устного народного творчества: мифах, сказках, былинах. Со временем нарратив стал присутствовать во всех жанрах художественной речи. Не стал исключением и поэтический текст. Нарративная

поэзия – рассказ в стихах, где внимание читателя сосредоточено на том, о чём рассказывает автор, а субъект превращается в рассказчика (нарратора): иногда такой рассказчик только излагает какую-либо историю, не являясь участником событий, и мы почти не замечаем его присутствия, иногда делится собственными впечатлениями от излагаемого и даже вступает в беседу с читателем.

В поэтическом нарративе чрезвычайно активны вопросительные конструкции. Достаточно вспомнить произведения авторов мировой литературы: В. Шекспира, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, В.В. Маяковского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко и др.

На наш взгляд, это обусловлено тем, что, во-первых, поэтический текст, в отличие от прозаического, лаконичен, более требователен к отбору языковых единиц, его организующих, и, во-вторых, вопрос уже сам по себе нарратив, так как определяет движение сюжета, т. е. является вопросительным темы (наряду с именительным темы и инфинитивом темы). Однако обращает на себя внимание тот факт, что большинство поэтов неохотно используют вопрос в начале произведения: в лучшем случае он появляется в середине или финале.

В. Высоцкий не боится начинать с него, без всяких вступлений и преамбул в первой строфе или даже в начале стихотворения: *«Зачем идёте в гору вы?»* («Скалолазка»), *«Почему всё не так?»* («Он не вернулся из боя»), *«Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог?»* («Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог»), *«Кто тебе серенаду ещё посвистит?»* («Серенада Соловья-разбойника»), *«Слышишь – гулко земля под ногами дрожит? Видишь – плотный туман над полями лежит?»* («Баллада о ненависти»), *«Куда всё делось и откуда что берётся?»* («Куда всё делось и откуда что берётся»), *«Что ж сидишь ты сиднем, да ещё в исподнем?»* («Что ж сидишь ты сиднем»).

Используемый нами метод сплошной выборки позволяет утверждать, что в структуре большинства стихотворений В. Высоцкого присутствуют вопросительные конструкции. Считаем, что это определяется бардовским характером его произведений, т.е. явной направленностью на читателя / слушателя, из которого автор «делает» собеседника.

Значение поэтического произведения или его конкретного отрезка определяется контекстом, и не только речевым, но и ситуативным. Так, многие произведения В. Высоцкого, написанные к тому или иному кинофильму (например, «Вертикаль», «Сыновья уходят в бой», «Бегство мистера Мак-Кинли»), понятны в определённом дискурсе.

Стихотворения В. Высоцкого не просто рассказ, по-

вестование, где всё течёт и развивается плавно и постепенно. Здесь читатель наблюдает конфликт, «разлом» спокойствия и предполагаемости сюжета. Введённые в структуру поэтического текста вопросительные высказывания определяют, во-первых, тему повествования, во-вторых, настраивают читателя / слушателя (адресата) на определённое восприятие текста. Это проявляется в том, что адресат становится сам действующим лицом, хотя и не предполагает этого (мы упоминали об этом чуть выше, но представляется необходимым повториться). Сила вопроса заключается в том, что, даже заданный поэтическому персонажу, он вовлекает в свою орбиту всех участников коммуникации, к числу которых относится читатель / слушатель. Последний, услышав вопрос, может предпринять попытку ответить на него, ориентируясь на предшествующий фрагмент текста или контекст в целом. Но талант В. Высоцкого проявлялся и в том, как непредсказуемо неожиданно звучит его ответ на им же поставленный вопрос. Этот непредсказуемо-неожиданный ход, по сути, создает детективное произведение.

Представляется возможным в рамках нашего исследования дать небольшой комментарий к одному из самых известных стихотворений.

Большинство нарратологов признаёт, что главный атрибут нарратива – наличие некоей истории, или последовательности событий. Таковая усматривается в стихотворении «Скалолазка»:

Я спросил тебя: *«Зачем идёте в гору вы?»* –
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. –
Ведь Эльбрус и с самолёта видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой...
(«Скалолазка») [2, с. 13]

Данное произведение, к сожалению, не звучит в фильме «Вертикаль» (режиссёры – С. Говорухин, Б. Дуров), но было задумано поэтом в общем цикле песен к данному фильму и именно по этой причине может рассматриваться в едином нарративе с другими, вошедшими, рассказывает об альпинистах и их опасной профессии, о взаимоотношениях, когда жизнь может быть оборвана в любую минуту. Вопрос в начале стихотворения, по сути, «привязывает» «Скалолазку» к предшествующим и определяет перспективу последующих стихотворений, тем самым создавая определённый гипернарратив.

«История» проявляется в том, что стихотворение как бы продолжает предыдущий рассказ, связывая в единую сюжетную линию поэтический цикл. Именно в общей повествовательной структуре цикла, на фоне происходящих в фильме событий, посыл поэта воспринимается в полной мере.

Однако и в самом дискурсе «Скалолазки» вопросы-

тельное предложение выполняет нарративную роль – определяет линию повествования, т.е. данный вопрос функционирует как бы в двух ипостасях: определяет линию развития сюжета в минитексте (стихотворении «Скалолазка») и мультитексте («альпинистском» цикле к кинофильму «Вертикаль»).

В стихотворении есть ещё одна строфа, где также присутствует вопросительное предложение:

А потом, на каждом нашем восхождении –
Ну почему ты ко мне недоверчивая?!
 Страхovala ты меня с наслаждением,
 Альпинистка моя гуттаперчевая!
 («Скалолазка») [2, с. 13]

В отличие от предыдущего фрагмента вопрос не определяет хода дальнейшего повествования, а является средством выражения эмоциональной оценки происходящего. Это возможно по причине того, что вопросительное предложение очень ёмкое в плане реализации функционально-семантических возможностей: наряду с инвариантным значением «запрос информации» в его семантической структуре представлены многочисленные варианты дополнительной смысловой нагрузки [9].

Подобная роль «красной нити», связующей несколько песен военного цикла, звучащих в фильме «Сыновья уходят в бой» (режиссёр – В. Туров), принадлежит вопросу из одноимённого стихотворения В. Высоцкого:

Кто сменит меня, кто в атаку пойдёт?
Кто выйдет к заветному мосту?
 И мне захотелось – пусть будет вон тот,
 Одетый во всё не по росту.
 («Сыновья уходят в бой») [3, с. 43]

Описанный в этом тексте эпизод боя глазами смертельно раненного солдата, передающего эстафету юному товарищу, переключается с историей воина, потерявшего друга в сражении, из другого стихотворения цикла:

Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
 То же небо – опять голубое,
 Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
 Только он не вернулся из боя.
 («Он не вернулся из боя») [3, с. 40]

Жанр военной баллады, включающий детальную прорисовку эпизода, использует вопросы лирических героев-нарраторов к самим себе. Ответы на эти вопросы ищет вместе с персонажами, автором и читатель.

Функционал вопросительных конструкций в нарративной системе поэтического текста разнообразен. Рассмотрим их виды на материале стихотворений В.С. Высоцкого (ограничимся одним-трем примерами на каждый случай).

1. Вопрос нарратора, оставшийся без ответа собеседника.

Теперь позвольте пару слов без протокола:
Чему нас учит семья и школа?
 Что жизнь сама таких накажет строго.
 Тут мы согласны, скажи, Серёга.
 («Милицейский протокол») [2, с. 136]

(В качестве иллюстрации сюда можно отнести и уже рассмотренный выше отрывок из «Скалолазки»).

Такая конструкция позволяет рассказчику самому дать удобный для себя ответ на вопрос, попытавшись таким образом обернуть ситуацию в свою пользу. Определим данную нарративную тактику как «удержание инициативы».

2. Вопрос нарратора к самому себе во внутреннем диалоге.

А мне удел от Бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
 Уехать с другом заодно –
 И лечь на дно!..
 («Мой друг уедет в Магадан») [3, с. 152]

Как засмотрится мне нынче, как задышится?!
 Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
 Птицы вещие поют – да всё из сказок.
 («Купола») [3, с. 156]

(Иллюстрацией здесь могут быть и приведённые выше фрагменты из стихотворений «Сыновья уходят в бой», «Он не вернулся из боя»).

Вопросы, заданные себе, позволяют рассказчику далее показать действительность в его личностном восприятии, в необычном ракурсе и вовлечь читателя в свою картину мира. Назовём такую нарративную тактику «зеркалом души».

3. Вопросы нарратора к воображаемому собеседнику-оппоненту.

Кто сказал: «Всё сгорело дотла,
 Больше в землю не бросите семья!»?
 Кто сказал, что Земля умерла?
 Нет, она затаилась на время.
 Материнства не взять у Земли,
 Не отнять, как не вычерпать моря.
 Кто поверил, что Землю сожгли?
 Нет, она почернела от горя.
 Как разрезы, траншеи легли,
 И воронки, как раны, зияют...
 («Песня о земле») [3, с. 142]

Такие вопросы остры и бескомпромиссны, нацелены на возражение, протест и помогают рассказчику высветить свою позицию, подкрепив её повествованием о происходящих и происходивших событиях. Эта нарративная тактика видится нам как «острая полемика».

4. Риторический вопрос нарратора к себе в форме вопроса к гипотетическому собеседнику.

*Что же это, братцы, не видать мне, что ли,
Ни денёчков светлых и ни ночей безлунных?
Загубили душу мне, отобрали волю,
А теперь порвали серебряные струны...*
(«Серебряные струны») [3, с. 47]

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит, не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..
(«Перед выездом в заграничку») [3, с. 179]

*А можно её стороной обойти?
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно – все судьбы-пути
На этой высоте скрестились.*
(«Высота») [2, с. 23]

Подобные вопросы помогают рассказчику почувствовать себя среди единомышленников, включённых в ту же цепь событий, что и он. Определим эту тактику как «дружественная поддержка».

5. Мысленный вопрос нарратора к реальному собеседнику в диалоге.

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» – «Не надо!» –
«Нет, хватит, – без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватить»,
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.
(«Весна ещё в начале») [3, с. 50]

Выраженный взглядом вопрос, точно понятый собеседником, показывает внутреннюю связь участников описываемых событий, готовность быть вместе, что бы ни случилось. Эта нарративная тактика – «на одной волне».

6. Вербализованный вопрос нарратора к собеседнику в диалоге.

– Постой, чудака, она ж наводчица!
– Зачем?
– Да так, уж очень хочется!
– Постой, чудака, у нас – компания,
Пойдём в кабака, зальём желание!

(«Наводчица») [3, с. 68]

*«Зачем идти при полном при параде,
Скажи мне, моя радость, Христа ради?»
Она мне: «Одевайся!» –
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдёшь ты сзади.
(Бал-маскарад») [3, с. 81]*

Я кричал: «Вы что там, обалдели?
Что ж вы уронили шахматный престиж!»
А мне сказали в нашем спортотделе:
«Ага, прекрасно – ты и защитишь!
(«Честь шахматной короны») [3, с. 127]

Классический диалог героев по модели «вопрос – ответ» делает повествование динамичным, местами неожиданным в плане непредсказуемости реплик-реакций. Назовем эту тактику «в пику собеседнику».

7. Вопросы нарратора к удалённому адресату.

Мой первый срок я выдержать не смог –
Мне год добавят, а может быть – четыре...
Ребята, напишите мне письмо:
Как там дела в свободном вашем мире?
Что вы там пьёте? Мы почти не пьём.
Здесь – только снег при солнечной погоде...
Ребята, напишите обо всём,
А то здесь ничего не происходит!
(«Ребята, напишите мне письмо») [3, с. 86]

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно?
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно?
Украду, если кража тебе по душе, –
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!
(«Здесь лапы у елей дрожат на весу») [3, с. 245]

Вопросы, заданные адресату неконтактно, ответы на которые если и будут, то нескоро, позволяют придать повествованию неспешный характер размышлений над волнующими рассказчика проблемами в надежде, что когда-нибудь его чаяния станут разделёнными, – тактика «приглашение в свой мир».

8. Вопрос нарратора к несуществующему собеседнику.

Где ты, Валя Петров? – что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну, а в сводках прочтём: враг потери понес,
Ну, а мы – на исходный рубеж.
(«Сколько павших бойцов полегло...») [3, с. 100]

Вопрос, ответ на который невозможно получить в силу потери собеседника, – это жест отчаяния, символ непоправимой утраты в процессе предшествующих этому событий. «Одиночество» – так назовём эту нарративную тактику.

9. Вопрос действующего лица в пересказе нарратора.

Спит капитан – и ему снится,
Что открыли границу, как ворота в Кремле.
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница –
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то – ничья,
Ведь она – нейтральная!
(«Песня о нейтральной полосе») [3, с. 171]
Им объяснили, чтобы не ругаться:
– Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это – иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?
(«А люди всё роптали и роптали») [3, с. 104]

Несобственно-прямая речь в вопросительной форме помогает в пересказе точно передать мысли и эмоции героев повествования в определённых жизненных ситуациях. В таких случаях используется тактика «вопрос на злобу дня».

10. Вопрос воображаемого оппонента к нарратору.

Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа?!
Терпенье, психопаты и кликуши!
Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души!
(«О фатальных датах и цифрах») [3, с. 147]

Это вопрос-утверждение предполагаемого недоброжелателя, требующий от рассказчика возражения, опровержения в виде фактов, событий, – нарративная тактика «провокация».

11. Вопрос реального оппонента к нарратору.

Я помню райвоенкомат:
«В десант не годен. Так-то, брат!
Таким, как ты, там невпротык», – и дальше смех,
– *Мол, из тебя какой солдат?*
Тебя хоть сразу в медсанбат.
А из меня такой солдат, как изо всех.
(«О моём старшине») [2, с. 21]

Стёб, насмешка собеседника, вопрос-издёвка требуют от рассказчика мобилизации внутренних сил и готовности бороться за справедливость – доказывать всем ходом дальнейшего повествования неправильность данных ему оценок. Данная тактика «душевная рана» представляет рассказчика вначале уязвлённым, затем – восторжествовавшим над обидчиками.

Все описанные выше приёмы использования вопросительных предложений, помимо решения вполне определённых задач в структуре и содержании поэтического текста, диалогизируют речь рассказчика и героев повествования, делают её экспрессивной, придают разговорный, непринуждённый характер, вовлекают читателя в череду событий и их оценку.

Таким образом, функциональная нагрузка вопросительного предложения в структуре поэтического текста разнообразна в зависимости от его объёма и содержания и определяется задачами, которые ставит перед собой автор произведения. Это не только диалогизация текста или эмоциональное выражение отношения к описываемому событию, но и, как в нашем случае, создание нарратива, в котором вопросительное предложение становится инициатором развития поэтического сюжета (вопросительным темой), или связывает в одну сюжетную линию (цикл) самостоятельные, на первый взгляд, произведения, или является движущей силой повествования, встраиваясь в фабулу. Разнообразие функционала вопросительного предложения в структуре конкретных поэтических текстов, проявляющееся в разнообразных тактиках, свидетельствует о значимости такой синтаксической конструкции в создании нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
2. Высоцкий В.С. Нерв: Стихи. М.: Современник, 1988. 239 с.
3. Высоцкий В.С. Я не верю судьбе: Стихи и песни. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 384 с.
4. Гейченко С.А. Повествовательная структура русского философского текста: лингвистика нарратива: на материале сочинений П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 29 с.
5. Денисова В.А. Полиmodalность конструирования событий в устном нарративе: исследование жестов в речи: исследование жестов в речи: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 26 с.
6. Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика: на материале современной англоязычной прессы: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.

7. Кузнецова А.В. Художественный нарратив М.Ю. Лермонтова: модальность и оценочность. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 141 с.
8. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. 239 с.
9. Логинов А. В. Категория интеррогативности в русском языке. М.: МПГУ, 2021. 350 с.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
11. Маслов Е.С. Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. 115 с.
12. Меньшикова Е.Е. Мифопоэтика рекламного туристического нарратива: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2012. 20 с.
13. Михайлова Т.А. Грамматика нереального: к анализу структуры средневекового нарратива. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 279 с.
14. Рыбинок Е.С. Семантика нарратива в поликодовом тексте: на материале сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого» по одноименному роману Л. Улицкой: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 16 с.

© Логинов Александр Викторович (loginov13av@mail.ru), Федосеева Лариса Николаевна (ln-fedoseewa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет